

Актуальность статьи заключается в наличии проблемных вопросов при установлении вины лица, совершившего деяния, запрещенные уголовным кодексом. Доктрина уголовного права стоит на позициях психологической теории вины, в связи с чем, установление субъективного элемента состава преступления представляет определенные сложности, которые, в свою очередь, приводят к допущению объективного вменения. В этой связи предпринята попытка детально проанализировать один из аспектов уголовно-правовой теории вины – субъективное отношение лица к последствиям совершенного им преступления, как того требует каждая из форм вины. При этом акцент сделан на возможность предвидения общественной опасности тех последствий, которые закреплены в уголовно правовой норме либо предполагаются в результате совершенного преступного деяния. В заключении сделан вывод о необходимости, в рамках установления вины, детально исследовать психологическое отношение лица к вредным последствиям, причиняемым совершенным им преступлением, что способствует более точному определению субъективных признаков преступления и, соответственно, более правильной его квалификации.

Ключевые слова: вина; неосторожность; общественная опасность; последствие преступления; субъективное отношение; умысел.

Андрей Геннадьевич Иванов, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра оперативно-разыскной деятельности ОВД,
ФГКО ВО «Дальневосточный юридический институт
МВД России», Хабаровск, Россия;
grant74@mail.ru

«СУБЪЕКТИВНЫЙ РЕЖИМ» ПОСЛЕДСТВИЙ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ

Введение

Одним из основных признаков преступления является вина. Учитывая, что она в своей сущности представляет психологическое отношение лица к совершенному противоправному деянию, то и представляется наиболее сложной в процессе квалификации преступления. Подтверждение тому – не утихающая научная дискуссия по вопросам субъективных признаков преступления, и нередкая спорность судебно-следственных доводов при их установлении.

Согласно положениям УК РФ, любая из форм вины, кроме субъективного отношения к общественной опасности деяния, предполагает обязательное наличие психологического отношения лица к последствиям преступного деяния, им совершенного. Учитывая данное обстоятельство,

а также многогранность рассматриваемой уголовно-правовой категории, в представленном исследовании хотелось бы затронуть только лишь один из ее аспектов – субъективное отношение лица к последствиям совершенного деяния и закрепление этого отношения в диспозициях уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ («субъективный режим»).

Законодательные конструкции форм вины имеют универсальный характер, необходимый для применения их к составам преступления, определенных Особенной частью УК РФ. Поэтому в целях излишнего нагромождения данного исследования представляется целесообразным для анализа взять только группу «преступления против личности».

Обсуждение

Для квалификации преступлений рассматриваемой группы последствия обязательны не для всех составов (материальные и формальные составы), тем не менее, согласно законодательной формулировке форм вины, субъективное отношение к последствиям непременно должно присутствовать.

При указанных обстоятельствах следует вспомнить А. Н. Трайнина, который убедительно показал, что и материальные, и формальные преступления причиняют вред общественной ценности – объекту. «Нет посягательства, – писал он, – если нет объекта, так как в этом случае не на что посягать, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект не посягает» [6, с. 191].

Поэтому для того, чтобы посягнуть, субъект должен совершить опасное, антиобщественное действие. Чтобы причинить вред, причиняющее действие должно быть вредным. Безвредное действие вреда причинить не может [1, с. 174].

В рамках исследования «субъективного режима» последствий преступного деяния следует заметить, что законодательная конструкция любой из форм вины требует предвидения, а значит и понимания общественной опасности последствий совершаемого деяния. Не случайно сделан акцент на столь известном положении уголовно-правовой теории вины, так как становится понятным неопровержимое утверждение о том, что для признания лица виновным необходимо достоверно убедиться в его предвидении именно той общественной опасности последствий своих деяний, которая наступила. В противном случае представляется неверным говорить о преступлении в той сущности, в которой оно зафиксировано в уголовно-правовой норме Особенной части УК.

Для детализации представленного утверждения необходимо обратить внимание на варианты описания последствий в уголовно-правовых нормах и соответственно попытаться определить возможность субъективного отношения к этим последствиям.

Ряд норм из раздела «Преступления против личности» УК РФ предусматривает в качестве последствий причинения вреда здоровью. При этом вред дифференцирован на тяжкий, средней тяжести и легкий. В рассматриваемом аспекте немаловажным выступает то обстоятельство, что тяжесть вреда определяется медицинским заключением о степени повреж-

дения органов, продолжительности общей нетрудоспособности, утраты органа и т.д. В указанной ситуации окончательная квалификация всецело зависит от медицинского заключения определения тяжести причиненного вреда и длительности излечения потерпевшего. Вот здесь и кроется главный вопрос, как в этом случае должно субъективно относиться виновное лицо к наступившим последствиям? Каким образом оно должно предвидеть именно те последствия, которые наступили? Причем не всегда в условиях причинения вреда здоровью виновный намерено старается причинить такие последствия, которые наступили.

К примеру, удар в область брюшной полости может причинить ушиб мышц, что относится к легкому вреду здоровью, а может вызвать разрыв селезенки, что уже образует тяжкий вред здоровью.

В контексте рассматриваемого вопроса нельзя не обратить внимания на использование законодателем в описании последствий специфичной медицинской терминологии (стойкая утрата общей работоспособности, кратковременное расстройство здоровья, и т.д.), которая еще в большей степени ставит под сомнение возможность предвидения лицом, совершившим преступные деяния, именно указанного в диспозиции вреда наступивших последствий.

Не менее интересным в рамках исследуемой темы выглядит конструкция, в которой законодатель делает ссылку на последствия, указанные в иной уголовно-правовой норме. Побои, последствия которых определены как причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ. Так же следует обратить внимание на изыски законодательной конструкции диспозиции ст. 116.1 УК РФ, где последствия указываются следующим образом: «...причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного статьей 116». В таких условиях виновное лицо должно детально знать ст.ст. 115 и 116 УК РФ, чтобы четко и ясно себе представлять общественную опасность последствий совершаемого им деяния, запрещенного ст. 116.1 УК РФ.

Возможно, законодателем сделана особая ставка на то обстоятельство, что субъектом данного преступления выступает лицо, подвергнутое административному наказанию и в его юридической грамотности, по крайней мере, в отношении указанных составов преступлений, сомневаться не приходится.

Приведенные обстоятельства дают основания полагать, что оценка психологического элемента совершенного преступного деяния в большей степени зависит от наступивших последствий, то есть установление субъективных признаков происходит по объективным обстоятельствам. Но тогда, каким образом в данной ситуации происходит реализация принципа вины и запрета объективного вменения?

Так же нельзя не обратить внимания на состав преступления, предусматривающий ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Объективная сторона данного преступления выражается в угрозах, жестоком обращении или систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшего. Наличие указанного преступления будет только в случае наступления последствий в виде самоубийства или покушения

на самоубийство. Однако лицо, выполнившее действия, указанные в диспозиции рассматриваемого преступления, могло и не осознавать возможность наступления указанных последствий, так как подобные деяния могут быть совершены и при отсутствии цели доведения до самоубийства.

Таким образом, из приведенного анализа описания последствий в материальных составах преступлений усматривается допустимость неоднозначного их отражения в разуме лица, совершившего данные деяния, что, в свою очередь, означает допустимость субъективной ошибки в отношении причиненного вреда.

Как уже было сказано, не все преступления для их квалификации требуют наличия последствий, но в то же время формула умысла предусматривает субъективное отношение к последствиям. Именно данное обстоятельство и порождает активное обсуждение порядка установления умысла в формальных составах преступлений.

Еще в прошлом столетии в научной литературе было отмечено, что в формальных преступлениях вредность действия обозначается в самом законодательном определении преступления – в общем виде через «незаконность» или в более конкретном – путем указания на ложность, применение насилия или отсутствие уважительных причин для бездействия [1, с. 175]. Безусловно, учитывая беспоследственную конструкцию формальных составов преступлений, в ситуации отсутствия данных указаний любое подобное действие было бы уголовно наказуемо.

Так диспозиция ч. 1 ст. 127 УК РФ указывает на незаконность лишения человека свободы. Отсутствие подобного указания свидетельствовало бы о преступности любого лишения человека свободы.

Как уже сказано, формула умысла требует наличия субъективного отношения к общественно опасным последствиям. Однако диспозиции формальных составов преступления не предусматривают наличие последствий. И как в этом случае должна быть реализована закрепленная в законе формула умысла?

Многие научные источники необоснованно обходят субъективный элемент последствий преступлений с формальным составом, указывая на то обстоятельство, что для данной группы преступлений наличие последствий для квалификации не требуется.

Однако некоторые ученые все-таки обращают внимание на данное обстоятельство, говоря, что в реальной действительности любые преступления, в том числе и формальные, всегда влекут за собой какие-то вредные изменения в окружающей действительности, в охраняемых уголовным законом объектах. Нет и не может быть беспоследственных преступлений [3, с. 175]. Тем самым в данной мысли подчеркивается субъективное отношение к указанным последствиям.

Рассматривая данный вопрос, представляется необходимым взять за основу приведенное выше высказывание А. Н. Трайнина о том, что нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект не посягает. Другими словами при совершении преступного посягательства лицо, его совершившее, однозначно должно осознавать наступление вредности последствий для объекта посягательства, в противном случае говорить об осознании противоправности или общественной опас-

ности совершаемых деяний не уместно. При таком подходе конструкция умысла, закрепленная законодателем, не нарушается, ведь это психологический компонент преступного деяния, и не важно, нашел ли он свое выражение в конструкции диспозиции уголовно-правовой нормы, то есть не важно, в преступлениях с формальным составом наступление или не наступление вредных последствий. Здесь имеется необходимость установления субъективного отношения именно к предполагаемым вредным последствиям совершенного деяния.

Подобный подход равносителен тому, что не все преступления для их квалификации требуют установления способа его совершения, но для правильного и точного установления вины всегда необходимо установить способ совершения преступления.

К примеру, заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности (ст. 125 УК РФ), безусловно, предполагает осознание лицом, совершившим это деяние, вредности возможных последствий, хотя бы выразившихся в том, что лицо не получило помощи в данный момент, и все время до оказания помощи должно испытывать физические или психические страдания. И здесь, как следует подчеркнуть, не идет речи о наступлении каких-то последствий для жизни или здоровья, хотя таковые не исключены. Но как уже было обозначено, для квалификации они не имеют никакого отношения. А «субъективный режим» в данной норме законодателем обозначен через обязанность и наличие возможности иметь заботу о потерпевшем.

Поэтому, как представляется, субъективное отношение к последствиям в преступлениях с формальным составом необходимо рассматривать через вред, причиняемый объекту посягательства.

В подтверждение сделанного вывода нельзя не сослаться на умозаключение, сделанное упомянутыми выше учеными. В определении формального преступления, где средством достижения цели, указанной в диспозиции этого состава, является само образующее состав действие, необходимо и достаточно установить, что субъект, совершая это действие, сознавал его общественно опасный характер и преследовал указанную в определении цель. В случаях этого рода желание относится к результату, составляющему цель действия, то есть находящемуся за пределами состава формального преступления. Здесь желание есть «желание цели», достижение или не достижение, которое не имеет значения для квалификации содеянного [1, с. 223].

Рассуждая о «субъективном режиме» последствий общественно опасных деяний, выше было обращено внимание на умышленные преступления. Однако в рамках заявленной темы нельзя не затронуть «субъективный режим» последствий, причиненных неосторожными преступлениями.

Известный ученый криминолог А. Б. Сахаров в свое время утверждал, что сознательное совершение общественно опасных действий присуще и неосторожности в ее обеих формах [5, с. 144]. Данное высказывание было подвергнуто критике, однако рациональное зерно в нем заключается в том, что при совершении преступлений с неосторожной формой вины,

у лица, его совершившего, обязательно присутствует интеллектуальный элемент, выраженный в осознании противоправности совершаемых действий.

Действующее законодательство раскрывает понятие неосторожности через отношение виновного к последствиям своих действий. В случае легкомыслия лицо предвидит общественно опасные последствия, а в случае небрежности их не предвидит, но, по мнению законодателя, должно и способно их предвидеть. Невольно напрашивается вопрос: кто должен определить меру должного предвидения и способности совершить это предвидение? Кто, как не сам субъект на основе личных индивидуально-психологических особенностей, субъективного опыта и в условиях субъективной реальности должен определять пределы своего осознания.

Так Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, сделал замечание Ф. по поводу громких разговоров последнего. После чего Ф., так же находившийся в состоянии алкогольного опьянения, подошел к Б. с ножом в правой руке, направленным острием к Б., лежащему на диване. Б., чтобы отобрать нож у Ф., встал с дивана и схватил своей правой рукой правую руку Ф., и скрутил ее, в результате чего нож острием оказался обращен в сторону Ф. В ходе схватки Б., не направив острие ножа в другую сторону, продолжая удерживать своей правой рукой правую руку Ф. с ножом, острием, направленным на последнего. Далее, в ходе борьбы при падении всей массой своего тела на Ф., по неосторожности причинил Ф. колото-резаное ранение грудной клетки. В результате полученного ранения Ф. скончался.

Суд посчитал, что Б. не имел умысла на причинение тяжкого вреда здоровью или лишение жизни, не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий в виде причинения смерти. Однако при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть их. В результате Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ¹.

В приведенном примере представляется, что Б. находился в условиях защиты своей жизни, так как на него был направлен нож. Более того, после того как виновный перехватил руку потерпевшего, в которой находился нож, потерпевший оказал сопротивление и завязалась борьба. Очень трудно себе представить, как в таких условиях лицо должно было иметь возможность предвидеть общественно опасные последствия в виде смерти.

Хотелось бы подчеркнуть, что любое действие осознано, и при квалификации неосторожной формы вины об этом не следует забывать. Хотя во многих научных источниках именно это обстоятельство необоснованно обходится, а акцент делается только лишь на отношении лица к последствиям совершенного деяния.

Тем не менее, ряд ученых обращает внимание на осознание виновным потенциальной общественной опасности своего действия или бездействия

¹ Приговор № 1-86/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-86/2020. Нюрбинский районный суд (Республика Саха (Якутия)) – Уголовное [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/PNdRtI07UpmU/ (дата обращения: 4.03.2021).

при легкомыслии, а должную предусмотрительность и внимательность относят к признакам, которые должны характеризовать волевою сферу деятельности любого индивида. Отсутствие этих признаков, по их убеждению, свидетельствует о пренебрежительном отношении лица как к писанным, так и не писанным, но общепринятым правилам поведения [2, с. 328 – 333]. Предвидя общественную опасность причиняемых последствий, лицо не может не осознавать характера совершаемых им действий [4, с. 31].

Имея возможность осознавать характер своего деяния, лицо создает для себя обязанность сознавать или предвидеть наступление естественных последствий этих деяний. Причем, если в отношении характера совершаемых деяний можно говорить о знаниях, то в отношении последствий в большей степени – о предположениях, которые основаны на этих знаниях. Поэтому границы предположений о последствиях определяются границами знаний о действии и его социальной оценки.

В обосновании сказанного можно привести следующий довод. Далеко не всегда нарушение предписанных или установленных правил (превышение скоростного режима) влечет наступление последствий, предусмотренных уголовно-правовой нормой. И в таком случае они не образуют состав преступления, являясь лишь основанием для другого вида ответственности (административной, дисциплинарной и т.д.). Более того периодическое совершение подобных нарушений притупляет бдительность о возможном наступлении вредных последствий, за которые наступает уголовная ответственность. Тем самым формируется убежденность в не наступлении последствий, за которые наступает уголовная ответственность.

Тогда указанные законодателем отношения к последствиям при неосторожности (осознание при легкомыслии, возможности и обязанности осознания при небрежности) должны расцениваться как следствие определенных субъективных отношений к действию с его социальной оценкой в качестве противоправного. Данным утверждением хотелось подчеркнуть, что неосторожная вина в виде отношений к последствиям не может возникнуть ниоткуда, это прямое следствие осознанного неисполнения или пренебрежение исполнением установленных правил, причем установленных не обязательно правом. Выход на лодке на воду в сильный шторм, несоблюдение скоростного режима в условиях гололеда либо плохой видимости, несоблюдение правил техники безопасности при осуществлении работ, выполнение действий без соответствующего образования и квалификации, невыполнение правил обращения с оружием и это далеко не полный перечень деяний, следствием которых выступают неосторожные последствия. И представляется, что прежде чем делать выводы о неосторожной вине, необходимо установить субъективное отношение к предшествующему и послужившему причиной этих последствий деянию.

Группа ученых, исследовавших умысел в уголовном праве, в свое время высказывала мысль, что обязанность знать не может возлагаться, и не возлагается на граждан уголовным законом. Веления и запреты уголовного закона чрезвычайно разнообразны и относятся к самым различным сферам общественных отношений [1, с. 190–191]. В части того, что уголовный закон не обязывает граждан знать, данное утверждение сомнению

не подлежит. Но совершая какие-либо деяния, лицо обязано знать правила выполнения этих действий или, по меньшей мере, предполагать о существовании таких правил (управление автомобилем, обращение с оружием или с инструментом повышенной опасности, наличие определенного образования при осуществлении отдельных видов деятельности и т.д).

И именно границами знания или предположения о правилах выполнения действия устанавливается субъективное отношение к последствию этих действий. Так, П., не имея надлежащей квалификации, незаконно подключился к сети электроэнергии с напряжением 220 вольт и протянул без соблюдения правил безопасности провода через огород. В результате контакта с данными проводами от поражения электротоком наступила смерть Ф.² Яркий пример совершения действия, регламентированного четко установленными правилами, без знания этих правил. Подобные ситуации, в результате которых наступает неосторожно причиненный вред, нередки³.

Но в рамках причинения вреда по неосторожности не стоит забывать про субъективную ошибку. Так, лицо самостоятельно прокладывает часть электропроводки в комнате на основе тех знаний, которые он получил на уроках физики в школе. Но при покупке проводки не были учтены параметры изоляционного материала и сечения провода, хотя продавцы подтвердили надлежащую работоспособность приобретаемой электропроводки. В результате эксплуатации при повышенной нагрузке произошла деформация изоляционного материала купленной проводки, и при очередном включении электроприбора в результате короткого замыкания причинен вред здоровью другому лицу. В приведенном примере субъективная ошибка в действии, когда лицо ошибочно полагает, что выполнило все требования техники безопасности, а в результате наступили вредные последствия.

Но не исключен и другой вариант при рассмотрении вопроса о неосторожном причинении вреда, когда у лица отсутствуют знания или предположения о наличии правил выполнения того или иного действия. И более того, подобных четко регламентированных правил не существует. Тогда как можно говорить о вине, даже в неосторожной форме. Другими словами, не осознавая антиобщественный противоправный характер своего деяния, как лицо может и должно предвидеть наступление вредных последствий? В этой ситуации следует сказать, что между небрежностью и невиновным причинением вреда (казусом) проходит очень тонкая грань.

² Приговор № 1-173/2019 от 26 декабря 2019 г. по делу № 1-173/2019. Балейский городской суд (Забайкальский край) – уголовное [Электронный ресурс] // URL: sudact.ru/regular/doc/rOT6ecVKxK6B/ (дата обращения: 27.07.2020).

³ Приговор № 1-487/2019 от 27 декабря 2019 г. по делу № 1-487/2019. Феодосийский городской суд (Республика Крым) – уголовное [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/yvu0MrnETAdd/ (дата обращения: 27.07.2020); приговор № 1-2/2020 1-87/2019 от 20 января 2020 г. по делу № 1-2/2020. Аксубаевский районный суд (Республика Татарстан) – уголовное [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru/regular/doc/r1wiZvvT43UC/ (дата обращения: 27.07.2020).

И разграничение, как представляется, должно проходить именно по наличию правил совершения действий и отношению к ним лица, совершившего эти действия. При отсутствии указанных правил вопрос о вине в форме небрежности ставить нельзя.

В легкомыслие лицо может предвидеть общественно опасные последствия только в том случае, если оно осознает негативную социальную оценку совершаемого действия.

Вывод

Из сказанного можно сделать вывод о немаловажной роли в условиях установления вины, субъективного отношения к последствиям, причем именно к их вредности или общественной опасности. Хотя, конечно, законодательная обрисовка последствий либо ее отсутствие (формальные составы) вполне могут способствовать наличию субъективной ошибки, что, в свою очередь, делает справедливым утверждение о законодательной допустимости субъективной ошибки.

Список литературы

1. **Злобин Г. А., Никифоров Б. С.** Умысел и его формы. М.: Юрид. литература, 1972. 264 с.
2. **Курс** уголовного права: в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. 624 с.
3. **Наумов А. В.** Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 1. Общая часть. М.: Федеральная палата адвокатов : Информ-Право, 2016. 768 с.
4. **Нерсисян В. А.** Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 49 с.
5. **Сахаров А. Б.** Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1956. 212 с.
6. **Трайнин А. Н.** Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 388 с.

References

1. **Zlobin G.A., Nikiforov B.S.** *Umysel i yego formy* [Intent and its forms]. Moscow: Yurid. literatura, 1972, 264 p. (In Russ.).
2. **Kuznetsova N.F., Tyazhkova I.M. (Eds.)** *Kurs ugolovnogo prava: in 5 vols. V. 1. Obshchaya chast'*. *Ucheniye o prestuplenii: uchebnik dlya vuzov* [The course of criminal law: in 5 volumes. V. 1. General part. The doctrine of crime: textbook for universities], Moscow: Zertsalo-M, 2002, 624 p. (In Russ.).
3. **Naumov A.V.** *Rossiyskoye ugolovnoye pravo: kurs lektsiy: in 3 vols. V. 1. Obshchaya chast'* [Russian criminal law: a course of lectures: in 3 volumes. V. 1. General part]. Moscow: Federal'naya palata advokатов: Inform-Pravo, 2016, 768 p. (In Russ.).
4. **Nersesyan V.A.** *Extended abstract of Doctor's of Legal Thesis*. Moscow, 2006, 49 p. (In Russ.).
5. **Sakharov A.B.** *Otvetsvennost' za dolzhnostnyye zloupotrebleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Responsibility for abuse of office in the Soviet criminal law]. Moscow: Gosyurizdat, 1956, 212 p. (In Russ.).
6. **Traynin A.N.** *Sostav prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Composition of a crime according to Soviet criminal law]. Moscow: Gos. izdatel'stvo yurid. lit., 1951, 388 p. (In Russ.).

The Consequences of Attitude of an Individual to the Committed Crime in Law

A. G. Ivanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Operational-Investigative Activities
of the Internal Affairs Directorate,
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Khabarovsk, Russia;
grant74@mail.ru

The relevance of the article lies in the presence of problematic issues in establishing the guilt of a person who committed acts prohibited by the criminal code. The doctrine of criminal law stands on the positions of the psychological theory of guilt, in this connection, the establishment of the subjective element of the corpus delicti presents certain difficulties, which, in turn, lead to the admission of objective imputation. In this regard, an attempt has been made to analyze in detail one of the aspects of the criminal law theory of guilt – the attitude of a person to the consequences of a crime committed by him, as required by each of the forms of guilt. At the same time, the emphasis is placed on the possibility of foreseeing the social danger of those consequences that are enshrined in the criminal law, or are assumed as a result of a committed criminal act. It is concluded that it is necessary, within the framework of establishing guilt, to study in detail the psychological attitude of a person to the harmful consequences caused by the crime he has committed, which will contribute to a more accurate definition of the psychological signs of a crime and, accordingly, a more correct qualification.

Keywords: guilt; negligence; public danger; consequence of crime; psychological attitude; intent.

© А. Г. Иванов, 2021

Статья поступила в редакцию 12.03.2021

При цитировании использовать:

Иванов А. Г. «Субъективный режим» последствий в уголовно-правовых нормах // *Право: история и современность.* 2021. № 3(16). С. 64 – 73. doi: 10.17277/pravo.2021.03.pp.064-073